

М. ИСАКОВСКИЙ

Л И Р И К А

**БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 3
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946**

М. ИСАКОВСКИЙ

ЛИРИКА

Издательство «ПРАВДА»

Москва — 1946

М. В. ИСАКОВСКИЙ

Михаил Васильевич Исаковский родился в 1900 году в бедной крестьянской семье в деревне Глотовке, Осельской волости, Ельнинского уезда, Смоленской губернии (ныне Восточный район, Смоленской области). В 1913 году он кончил сельскую школу. При содействии местных учителей поступил в гимназию, но через два года вынужден был уйти оттуда из-за материальной нужды. Некоторое время он был сельским учителем, работал в волисполкоме помощником секретаря и т. п. В 1918 году вступил в партию. С 1919 по 1921 год редактировал уездную газету в г. Ельне, затем в течение десяти лет работал в газете «Рабочий путь» в Смоленске. В 1931 году переехал в Москву где редактировал журнал «Колхозник».

Писать стихи Михаил Васильевич начал ещё в детском возрасте, но началом своей сознательной литературной деятельности он считает 1924 год. В 1927 году вышла его первая книга «Провода в соломе», о которой М. Горький отозвался очень одобрительно. В последующие годы Исаковский выпустил ряд своих книг: «Провинция», «Мастера земли», «Избранные стихи», «Стихи и песни», «Наказ сыну», «Песня о Родине» и др. Большую работу проделал поэт в области перевода белорусских и отчасти украинских поэтов.

Ряд песен, написанных на слова М. Исаковского, получил очень широкое распространение и стал подлинно народным. Следует упомянуть такие, как: «Вдоль деревни», «Провожданье», «И кто его знает», «Прощальная комсомольская», «Катюша», «Ой, туманы мои», «Огонёк» и многие другие.

За литературную работу Михаил Васильевич награждён двумя орденами Трудового красного знамени, в 1943 году ему была присуждена Сталинская премия первой степени за песни «И кто его знает», «Провожданье», «Шёл со службы пограничник», «Катюша» и др.

СЛОВО К ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само, и не сдержатъ его...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Тот день настал. Исполнились сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне позжать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам —

За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.

Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы — повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле.

Май, 1945 г.

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почётном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности, глухой и непогожей,
И всё, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днём становится дороже.

Весна, 1941 г.

ЗЕМЛЯ

Земля, занимаемая колхозами, закрепляется
за ними в бесплатное и бессрочное пользова-
ние, то-есть навечно.

Из Конституции СССР

Земля, земля — родная мать!
Поговори с любимым сыном...
Конца и края не видать
Твоим пригоркам и равнинам.

Твоим богатствам меры нет,
Они лежат неисчислимы...

Земля, земля! А сколько ж бед
Из-за тебя перенесли мы!

Не ты ли долгие века
Была для нас мечтой несмелой?
В потёмках доля бедняка
Не про тебя ли песни пела?

Не ты ли заставляла нас
Сбывать последние гнилушки?
Не ты ли отправляла нас
В переселенческой теплушке?

Не за тебя ли — каждый год —
Богатым кланялись мы в ноги?
Не за тебя ли шёл народ
По той Владимирской дороге?

Не ты ль весь век была в плену,
Родная мать — земля сырая?
Не за тебя ль мы всю страну
Прошли от края и до края?

Земля, земля! Горит рассвет,
И ты для нас — кругом открыта...
Земля, земля! А сколько ж бед,
А сколько ж горя пережито!

1937 г.

РОДНОЕ

Сыплет спелые орехи
Мне орешник в кузовок.
Лес рябиновые вежи
Расставляет у дорог.

По оврагам, по обрывам,
Через пальцы ивняка
Льётся тихо и пугливо
Желтолистая река.

На ветвях танцуют белки,
Лес обветренный молчит

Солнце в облачные щелки
Шлёт раскосые лучи.

У опушки дремлют кони,
Подпирая боком ель.
Снится им, что в поле стонет
Безголовая метель.

Школьный дом одноэтажный
Улыбается окном.
Грач по нивам ходит важно,
Словно сельский агроном.

Гусь степенный в луже моет
Свой гусиный красный нос... —
Всё моё и всё родное, —
Чем я жил и где я рос.

1924 г.

ПОПРОЩАТЬСЯ С ТЁПЛЫМ ЛЕТОМ

Прощаться с тёплым летом
Выхожу я за овин.
Запылали алым цветом
Кисти спелые рябин.

Всё молчит — земля и небо,
Тишина у всех дорог.
Вкусно пахнет свежим хлебом
На току соломы стог.

Блэкнут травы. Дремлют хаты.
Рощи вспыхнули вдали.
По незримому канату
Протянулись журавли.

Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.

Скоро звёзды тихим светом
Упадут на дно реки...
Я прощаюсь с тёплым летом
Без печали и тоски.

1925 г.

*
* * *

Всё та же даль. Всё та же синева.
Но болен я утратою вчерашней:
Я потерял крестьянские права
И на луга родные, и на пашни.

В какую бы ни постучался дверь,
В какой бы суд ни обратился с иском, —
Везде одно: душа моя теперь
В родном селе не значится по спискам.

Мне говорил на сходке бородач:
«Тебе не быть уж больше деревенским;
Без чёрного труда и неудач
Ты проживёшь, Васильич, и в Смоленске...»

В ответ ему я тихо бросил: «Пусть!
Я знаю сам, что мне но сеять хлеба...»
И закачалась пред глазами грусть,
Такая грусть — широкая, как небо.

И вот теперь — иду ли я межой
Иль слушаю лесов зелёный шелест, —
Мне всюду кажется, что я чужой,
Что будто я непрощеный пришелец.

Когда же, в ночь, над городом луна
Гудит широким полевым набатом,
Меня зовёт родная сторона,
Опять зовёт к дымящимся закатам.

И сердце жадно ловит этот зов,
И у смоленских каменных порогов
Я слышу звон косы и дальний скрип возов
По запоздалым луговым дорогам.

В лицо мне дышит свежая трава,
И тёплой песнею струится голос женский...
Я потерял крестьянские права,
Но навсегда остался деревенским.

1926 г.

ВЕСНА

Растаял снег. Луга зазеленели.
Телеги вновь грохочут по мосту.
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идёт весёлый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Ещё зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живёт и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон...
Взлетел потух на самый гребень крыши
Да так поёт, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет тёплый ветер,
И лёгкий пар клубится у реки.
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

1927 г.

ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета,
Шёл старик дорогой полевой:
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нёс её домой.

Он глядел весёлыми глазами
На поля, на дальнюю межу.
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растёт большая-пребольшая,
Пусть идёт и в ширь и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени её прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине,
Наедятся спелых, сочных ягод
И, наверно, вспомнят обо мне...

А не вспомнят — экая досада, —
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо, —
Всё равно я вишню посажу».

1940 г.

В ДОРОГЕ

День такой, что любо-дорого, —
Весь, как чистое стекло...
Я со станции, со скорого,
Неспеша иду в село.

Вижу вновь свои, исконные,
С детства милые края,
Снова низкими поклонами
Рожь приветствует меня.

А во ржи дорога стелется,
Только знай себе — иди.
Очень ветренная мельница
Показалась впереди.

Всё такая ж, та же самая,
Как и десять лет назад.
— Здравствуй, ветреница старая,
И тебя я видеть рад;

И тебя, деревня Ключики,
И ракиты над ручьём...
Говорят со мной попутчики
О житье-бытье своём:

— Нынче ждём богатой осени, —
Будет хлеб наверняка:
Одолели, приколхозили
Злую долю бедняка...

— План придумали недурственный,
Отвалили добрый пласт.
Эта самая индустрия
Не забыла и про нас.

Вон — смотри — пошла отхватывать, —
Эта — нет, не подведёт... —
И с флажком на радиаторе
Трактор двинулся вперёд.

Воробьи взметнулись стайкою
И рассыпались вдали.
Над широкою лужайкою
Вьются пчёлы и шмели.

И глубокие, бездонные,
Так и пышут синевой
Небеса разоблачённые
Над моею головой.

А дорога расстилается,
И шумит густая рожь,
И куда тебе желается, —
Обязательно дойдёшь.

1930 г.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Ваня, Ваня! За что на меня ты в обиде?
Почему мне ни писем, ни карточки нет?
Я совсем стосковалась и в письменном виде
Посылаю тебе нерушимый привет.

Ты уехал, и мне ничего неизвестно,
Хоть и лето прошло и зима...
Впрочем, нынче я стала такую ликбезной,
Что могу написать и сама.

Ты бы мог на успехи мои подивиться, —
Я теперь — не слепая и глупая тварь:
Понимаешь, на самой последней странице
Я читаю научную книгу — букварь.

Я читаю и радуюсь каждому звуку,
И самой удивительно — как удалось,
Что такую большую, мудрёную штуку
Всю, как есть, изучила насквозь.

Изучила и знаю... Ванюша, ты слышишь?
И такой на душе занимается свет,
Что его и в подробном письме не опишешь,
Что ему и названия нет.

Будто я хорошею от каждого слова,
Будто с места срывается сердце моё;
Будто вся моя жизнь начинается снова,
И впервые, неожиданно, я вижу её.

Мне подруги давно говорят на учёбе,
Что моя голова — попросторнее всех...
Жалко, нет у меня ненаглядных пособий, —
Я тогда не такой показала б успех..

Над одним лишь я голову сильно ломаю,
Лишь одна незадача позорит мне честь:
Если что напечатано, — всё понимаю,
А напишут пером — не умею прочесть.

И себя укоряя за немощность эту,
И не знаю, — где правильный выход найти:
Ваших писем не слышно, и практики нету,
И научное дело мне трудно вести.

Но хочу я. чтоб всё, как и следует, было,
И, конечно, сумею своё навестать...
А тебя я, Ванюша, навек полюбила
И готова всю душу и сердце отдать.

И любой твоей весточке буду я рада,
Лишь бы ты не забыл меня в дальней дали.
Если карточки нет, то её и не надо, —
Хоть письмо, хоть открытку пришли.

1932 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговой...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом —
То ли пищишь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чём.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина.
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути, —
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки, —
Пробираться не легко.
Но огонь в твоём окошке
Виден очень далеко.

1938 г.

БЕРЕЗА

Вот здесь, вдали от любопытных глаз,
Берёза шелестела молодая.
Сюда весной я приходил не раз,
У той берёзы встречи ожидая.

И том стихов в обложке голубой
Носил с собою целые недели.
Его мы вместе начали с тобой,
Его вдвоём и дочитать хотели.

Я думал — ты придёшь. Но дни за днями шли,
А ты придти сюда не догадалась...
Теперь берёзы нет: срубили и сожгли.
И книжка недочитанной осталась.

1936 г.

В РОДНОМ КРАЮ

Тихо в поле, тихо в роще,
Солнце гаснет за рекой.
Неспеша проходит лётчик
По дорожке полевой.

Лётчик с Дальнего Востока,
Бивший недруга в бою, —
Он приехал издалёка
Погостить в родном краю;

Посмотреть на эти хаты,
Где живут его друзья,
На широкие закаты,
На берёзы у ручья.

Он приехал наглядеться
На поля, и на леса,
И на всё, что помнил с детства
И чего забыть нельзя.

Лётчик с Дальнего Востока,
Пограничник боевой, —
Он идёт во ржи высокой
По дорожке полевой.

И бежит, бежит дорожка,
И горит, горит закат...
Где-то пробует гармошку
Беспокойный музыкант;

Где-то ласково и звонко
Голос девичий запел:
«На родимую сторонку
Ясный сокол прилетел».

1939 г.

СПОЙ МНЕ, СПОЙ, ПРОКОШИНА *

Памяти моей матери.

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стёжки не исхожены.
Пусть опять вспомнётся
Всё, что к сердцу тянется,
Пусть опять почудится
Всё, что не забудется:

Сторона далёкая,
Хата в два окна.
В поле рожь высокая,
Тёплая весна.
Ельники, березники
И друзья-ровесники...

Под отцовской крышею
Здесь я жил и рос,
Здесь ребячье, первое
Слово произнёс.
И отсюда в юности
Начал долгий путь,
Чтоб судьбу счастливую
Встретить где-нибудь;
Чтоб своё законное
Место отыскать.
И меня за росстани
Проводила мать.
Обняла, заплакала:
— Ну, сынок, иди!..
И осталась, бедная,
Где-то позади.
И осталась, горькая,
На закате дня —
Думать и надеяться,
Ожидать меня.

* Александра Прокошина — запевала в хоре имени Пятницкого

И мне часто чудится,
Что сидит она
И глазами блёклыми
Смотрит из окна.
Смотрит — не покажется ль
Пыль на большаке,
Смотрит — не появится ль
Путник вдалеке.
Может быть, появится,
Может, это я...

И опять мне хочется
В дальние края;
В дальние смоленские,
К матери родной —
Будто не лежит она
В поле под сосной;
Будто выйдет, старая,
Встретит у ворот
И со мною под вечер
На поля пойдёт.
Станет мне рассказывать
Про вчерашний сон,
Про дожди весенние,
Про колхозный лён.
Станет мне показывать
Все места подряд,
Где мальчишкой бегал я
Много лет назад;
Где луга зелёные
Вместе с ней косил
И куда ей завтраки
Я в жнитво носил...

Всё опять припомнится,
Встанет предо мной —
Будто не лежит она
В поле под сосной;
Будто тёплым вечером
Смотрит из окна;
А кругом — широкая,
Дружная весна...
Спой же, спой, Прокошина,
Что трава не скошена...

1939 г.

ОПЯТЬ ПЕЧАЛИТСЯ НАД ЛУГОМ...

Опять печалится над лугом
Печаль пастушьего рожка.
И, словно гуси, друг за другом
Плывут по небу облака.

А я брожу неторопливо
По этим памятным местам.
Какого здесь ищу я дива,
Чего я жду, — не знаю сам.

У этих сёл, у этих речек,
На тихих стёжках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.

Одни ушли, свой дом покинув,
И — где они, и что нашли?
Другим — селибу в три аршина
Неподалёку отвели...

Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона!
Но я — твой сын, но я — отсюда,
И здесь прошла моя весна.

Прошла моя не золотая,
Моя не звонкая прошла.
И пусть она была такая, —
Она такая мне мила.

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стёрлись все приметы,
Пусть не найти её следа,
И всё ж меня дорога эта
Зовёт неведомо куда.

1945 г.

ПРОЩАНИЕ

Прощальная комсомольская

Дан приказ — ему на запад,
Ей — в другую сторону...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой, —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильнее желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А ещё тебя прошу я, —
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Всё равно, — сказал он тихо, —
Напиши... куда-нибудь.

1935 г.

И КТО ЕГО ЗНАЕТ

На закате ходит парень
Возле дома моего.
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.

И кто его знает —
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поёт.
А простимся у калитки,
Отвернётся и вздохнёт.

И кто его знает —
Чего он вздыхает.

Я спросила: — Что не весел?
Иль не радует житьё?
— Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное своё.

И кто его знает —
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке только точки,
Догадайся, мол, сама.

И кто его знает —
На что намекает.

Я разгадывать не стала,
Не надейся и не жди.
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.

И кто его знает —
Чего оно тает.

1938 г.

ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно,
Только стёжка коротка, —
Расставаться нужно.

Хата встала впереди —
Тёмное окошко...
О, ты, стёжка, погоди,
Протянись немножко!

Ты потише провожай,
Парень сероглазый,
Потому что очень жаль
Расставаться сразу...

Дайте ж в руки мне гармонь,
Чтоб сыграть страданье.
Парень девушку домой
Провожал с гулянья.

Шли они — рука в руке —
Шли они до дому.
А пришли они к реке,
К берегу крутому.

Позабыл знакомый путь
Ухажор-забава:
Надо б влево повернуть, —
Повернул направо.

Льётся речка в дальний край, —
Погляди, послушай...
Что же, Коля-Николай,
Сделал ты с Катюшей?

Возвращаться позже всех —
Кате неприятно.
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно.

Не хотят они домой —
Ноги молодые...
Ой, гармонь моя, гармонь, —
Планки золотые!

1936 г.

ЧТО ЗА СЛАВНЫЕ РЕБЯТА

Что за славные ребята,
Только встреча коротка...
Приезжали из Кронштадта
К нам четыре моряка.
И словами, и делами,
И собою хороши.
Если девушка посмотрит, —
Остаётся без души.

Как сойдутся все четыре
Да с гармошкой пройдут, —
За собою на буксире
Всю околицу ведут.
Наши парни приуныли, —
Видно, зависть их берёт,
Что девчат в одну неделю
Покорил Балтийский флот.

А девчатам — то ли дело
Левым глазом подмигнуть:
Дескать, суша надоела,
Надо на море взглянуть.
Под балтийскую гармошку
Сами ходят каблуки,
Только жалко, что весною
Ночи больно коротки.

А ещё в груди тревога,
А ещё душа болит,
Что кронштадтская дорога
Расставаться нам велит;

Расставаться, разлучаться,
А разлука тяжела...
Ох, и жаль, что нету моря
Возле нашего села!

1940 г.

НА ГОРЕ—БЕЛЫМ-БЕЛА

На горе — белым-бела —
Утром вишня расцвела.
Полюбила я парнишку,
А открыться не могла.

Я по улице хожу,
Об одном о нём тужу.
Но ни разу он не спросит —
Что на сердце я ношу.

Только спросит — как живу,
Скоро ль в гости позову.
Не желает он, наверно,
Говорить по существу.

Я одна иду домой,
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж моё счастье
Пронесётся стороной?

1940 г.

ПЕСНЯ О ДЕВУШКЕ *

Я хожу по улице,
Да не нахожуся.
Я гляжу на девушку,
Да не нагляжуся.

* Написано на тему старинной русской народной песни.

Я б её засватал, —
Поп венчать не хочет,
Поп венчать не хочет, —
Взять за сына прочит.

Дьякон — деньги на-кон —
Не идёт, не служит.
Потому не служит, —
Сам по девке тужит.

А дьячок не дьячит, —
Сам по девке плачет.
А звонарь не звонит, —
Сам по девке стонет.

Я пойду, ребята,
Из села родного,
В тёмной пуще зверя
Наловлю лесного.

Дам попу лисицу,
Дьякону — куницу,
А дьячку-горюше —
Хоть заячьи уши.

Может, добрым словом
Парня повстречают,
Может, с красной девкой
Парня обвенчают.

1936 г.

ШЕЛ СО СЛУЖБЫ ПОГРАНИЧНИК

Шёл со службы пограничник,
Пограничник молодой,
Подошёл ко мне и просит
Угостить его водой.

Я воды достала свежей,
Подала ему тотчас,

Только вижу — пьёт он мало,
А с меня не сводит глаз.

Начинает разговоры, —
Дескать, как живёте здесь?
А вода не убывает, —
Сколько было, столько есть.

Не шути напрасно, парень, —
Дома ждут меня дела...
Я сказала: — До свиданья! —
Повернулась и пошла.

Парень стал передо мною,
Тихо тронул козырёк:
— Если можно, не спешите, —
Я напьюсь ещё разок.

И ведро с водой студёной
Ловко снял с руки моей.
— Что же, пейте, — говорю я, —
Только пейте поскорей.

Он напился, распрямился,
Собирается идти:
— Если можно, пожелайте
Мне счастливого пути.

Поклонился на прощанье,
Взялся за сердце рукой...
Вижу — парень он хороший
И хасанистый такой.

И чего — сама не знаю —
Я вздохнула горячо
И сказала почему-то:
— Может, выпьете ещё?

Улыбнулся пограничник,
Похвалил мои слова...
Так и пил он у колодца
Может, — час, а может, — два.

1939 г.

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЁ ДО РАССВЕТА

Снова замерло всё до рассвета, —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.

То пойдёт на поля, за ворота,
То обратно вернётся опять, —
Словно ищет в потёмках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалёко,
Да не знает — её ли ты ждёшь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даёшь!

1945 г.

МОРЯЧКА

Уезжал моряк из дому,
Стал со мною говорить:
— Разрешите вам на память
Своё сердце подарить.

И когда я плавать буду
Где-то в дальней стороне, —
Хоть разочек, хоть немножко
Погрустите обо мне.

Я ответила шутиливо,
Что приятна эта речь,
Но такой большой подарок
Неизвестно, где беречь.

И к тому ж, товарищ милый,
Разрешите доложить:
Чтобы девушка грустила, —
Это надо заслужить.

Он обиделся, наверно,
Попрощался кое-как:
Шутки девичьей не понял
Недогадливый моряк.

И напрасно почтальона
Я встречаю у ворот:
Ничего моряк не пишет,
Даже адреса не шлёт.

Мне и горько, и досадно,
И тоска меня взяла,
Что не так ему сказала,
Что неласкова была.

А ещё того досадней,
Что на людях и в дому —
Все зовут меня морячкой
Неизвестно почему.

1940 г.

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобой да встретиться.

Ещё косою острою
В лугах трава не скошена,

Ещё не вся черёмуха
К тебе в окошко брошена;

Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

1945 г.

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт.
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придёт.

Как увижу, как услышу, —
Всё во мне заговорит, —
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетём,
И куда — не знаем сами —
Словно пьяные, бредём.

А кругом сады белеют.
А в садах бушует май.
И такой на небе месяц, —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет, —
То зальётся, то замрёт...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветёт.

Май, 1944 г.

НЕ ТРЕВОЖЬ ТЫ СЕБЯ, НЕ ТРЕВОЖЬ

Девичья песня

Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай.
И когда по деревне идёшь,
На окошко моё не поглядывай.

Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбились карие.

Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончается...
Вот вернётся он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.

Я прижму его к сердцу, прижму,
Молодыми руками, горячими.
И скажу я в тот вечер ему,
Что самую судьбой предназначено.

А тебя об одном я прошу —
Понапрасну меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай.

1944 г.

ПЕЛИ ДВЕ ПОДРУГИ

Пели две подруги,
Пели две Маруси —
Как осенним утром
Улетали гуси.

Как прощались гуси
Со своим гнездовьем —
С речками, с лесами,
С тихим Приднепровьем;

И кричали гуси,
В небе пропадая,
Что всего дороже
Сторона родная.

Улетали гуси,
Лето закатилось.
По лесам брусника
В кузовок просилась;

По лесам орешник
Гнулся, безутешен,
И ронял орехи
Со своих орешин.

И пошли подруги
Тропами лесными.
Поднималось небо
Высоко над ними.

Осыпались липы,
Облетали клёны,
Лист на землю падал,
Словно раскалённый.

Сталася тропинка
Золотой каёмкой.
И хотелось песни
Ласковой, негромкой.

И внезапно в небе
Гуси прокричали
О разлуке тяжкой,
О своей печали.

Прокричали гуси
Над лесной округой,
Два пера на память
Сбросили подругам.

И подруги стали,
Головы закинув,
Словно две осенних,
Две лесных рябины.

И запели разом,
Стаю провожая,
Что всего дороже
Сторона родная.

1941 г.

МЫ ШЛИ...

Мы шли молчаливой толпою, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над сёлами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели за нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверьё по лесам и болотам
Бежало, почуя войну, —
Видать, и ему неохота
Остаться в немецком плену.

Мы шли. В узелки завязали
По горстке родимой земли.
И всю б её, кажется, взяли,
Но всю её взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожжённых полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна,

Пусть самую лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей!

Пусть ворон — зловещая птица —
Клюёт людоедам глаза.
Пусть в огненный дождь превратится
Горячая наша слеза!

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметёт;
Пусть ищет насильник спасенья
И пусть он его не найдёт.

И вечною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти!

Мы верили — суд совершится,
И легче нам было идти.

1942 г.

СТАРИК

У вырванных снарядами берёз
Сидит старик, а с ним собака рядом,
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным, невесёлым взглядом.

Ползёт туман. Накрапывает дождь.
Над мёртвым полем вороньё кружится...
— Что, дедушка, наверно, смерти ждёшь?
Наверно, трудно с немцами ужиться?

Старик помедлил. Правую рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый:
— В мои года — не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь, — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пёс голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года — не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдёшь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяиничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;
Умрёшь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путём бреду.
Запоминаю, что и где творится.
Злодействам ихним полный счёт веду, —
Он в час расплаты может пригодиться.

Пускай мне тяжко. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот эту рукой не уничтожу.

1942 г.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шёл, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтёр,
Учёный иль пастух, —

Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал всё, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберёг.

1942 г.

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Л и д е.

С берёз — неслышен, невесом —
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днём
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет;
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом.
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом;

И каждый думал о своей.
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведёт через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черёд, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час.
А коль придётся в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрасит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черёд, пришла пора, —
Идём, друзья, идём! —
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждём;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй.

1942 г.

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца.
И пока за туманами
Видеть мог паренёк,
На окошке на девичьем
Всё горел огонёк.
Парня встретила славная
Фронтная семья, —
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая?
Где ж ты, мой огонёк?
И подруга далёкая
Парню весточку шлёт,
Что любовь её девичья
Никогда не умрёт;
 Всё, что было загадано,
 В свой исполнится срок, —
 Не погаснет без времени
 Золотой огонёк.
И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От её письмаца.
 И врага ненавистного
 Крепче бьёт паренёк
 За советскую Родину,
 За родной огонёк.

1942 г.

БЕЛОРУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой вы, вольные птицы,
Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До моей Беларуси;
До моей Беларуси,
До родимой сторонки,
А в родимой сторонке —
До деревни Сосонки.

Прокричите вы, гуси,
Высоко в поднебесье,
Что с победою скоро
Мы придём на Полесье;
Мы придём на Полесье
В города и селенья,
Нашим братьям и сёстрам
Принесём вызволение.

Пусть они не сдаются,
Пусть они ожидают,
А для немцев могилу
Пусть поглубже копают;
Пусть поглубже копают,
Пусть копают пошире, —
За кровавые раны,
За обиды большие.

А ещё, мои гуси,
Разыщите девчину,
Что ушла партизанить
За родную краину.
От меня передайте
Ей одно только слово —
Нерушимое слово,
Что мы встретимся снова...

Долетите ж вы, гуси,
До родной Беларуси.

1943 г.

ГДЕ Ж ВЫ, ГДЕ Ж ВЫ, ОЧИ КАРИЕ

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край? —
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много вёрст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей Родины
Не забыли мы нигде.

И под звёздами балканскими
Вспоминаем не спроста
Ярославские, да брянские,
Да смоленские места.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1944 г.

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счёта —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей,
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома, и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще — недобрая весть.
И ты перед всею странюю,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив своё горе,
Суровым путём трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далёкой черты,
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме,
Советские воины в бой,
И рушились вражки твердыни
От бомб, начинённых тобой.

За всё ты бралася без страха
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой, и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же всё перечтёшь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живёшь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый её,
Как клятву шептал, как молитву,
Далёкое имя твоё...

1945 г.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья,
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой.
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил, солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд.
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945 г.

*
* *

Пробилась зелень полевая
Навстречу свету и теплу.
И, настезь окна раскрывая,
Весна проходит по селу.

Ручей в овражке еле слышно
Поёт о чём-то о своём.
И машет белой веткой вишня:
«Растём, товарищи, растём!»

1946 г.

РАССКАЗ ПРО СТЕПАНА И ПРО СМЕРТЬ

1

К степановой хате весной, перед вечером,
Подкралася смерть неприметной тропой:
«Степан Алексеич! Раздумывать нечего...
Степан Алексеич! Пришла за тобой.
Как видно, пропала ухватка железная,
Лежишь ты да зря переводишь жарчи...»
«Что верно, то верно — хвораю, болезная,
Что правда, то правда — лежу на печи.
Давно уж задумал я думу нездешнюю,
Давно отошёл от полей и двора...»
«Ну, что ж, приготовь свою душеньку грешную,
Сегодня твоя наступила пора».
«Готов я. И доски для гроба натёсаны,
И выбрано место... Дорога одна.
А только нельзя ли отсрочить до осени, —
Уж больно хорошая нынче весна.
Хочу перед ночью своей нескончаемой
При свете, при лете пожить, подышать,
На всё на живое взглянуть на прощание,
Чтоб легче мне было в могиле лежать.
Опять же, хоть стар я, а всё же с понятием,
И знать, понимаешь ли, надобно мне,
Что Сталин придумал насчёт неприятеля,
И как повернутся дела на войне.
Узнаю про всё и умру, успокоенный, —
Ни словом, ни делом тебе не солгу...»
И смерть отвечала: «Пусть будет по-твоему:
До первого снега отсрочить могу».

Вот лето промчалось. Покосы покосены.
 Хлебá обмолочены. Тихо кругом.
 Земля принакрылася белой порошею,
 И речка подёрнулася первым ледком.
 В окошко старик посмотрел, запечалился —
 Знакомая гостья спешит через двор: “
 «Степан Алексеич! Отсрочка кончается...
 Степан Алексеич! Таков уговор».
 «Что верно, то верно — пора мне скопытиться, —
 Старик говорит, — отслужил — и в запас.
 Да знаешь ли, дело такое предвидется,
 Что мне умереть невозможно сейчас.
 За всё моя совесть потóm расквитается,
 А нынче бы надо со мной погодить:
 Прибыток в дому у меня ожидается, —
 Невестка мне внука должна народить.
 И хочешь — не хочешь, но так уж приходится, —
 Позволь мне хоть малость постранствовать тут:
 Мне б только дожждаться, когда он народится,
 Узнать бы, какой он и как назовут.
 И много ль для этого надобно времени? —
 Ну, месяц, ну, два... Так о чём же тут речь...
 К тому же, пока ещё нет замирения, —
 На немцев бы надо тебе приналечь.
 А там — приходи. Три аршина отмеривай, —
 Степан не попросит уже ничего.
 И будет лежать он, — спокойный, уверенный.
 Что живо, что здравствует племя его.
 Солдату бывалому, старому воину —
 Сама понимаешь — не грех уступить...»
 И смерть отвечала: «Пусть будет пот-твоему.
 Хитришь ты, я вижу, да так уж и быть...»

Мороз отскрипел. Отшумела метелица.
 Снега потеряли свою белизну.
 Туман вечерами над речкою стелется,
 На улице девушки кличут весну.
 Ручей на дорогу откуда-то выбежал —
 Запел, заиграл — молодой баламут...

Степан Алексеич поднялся, не выдержал, —
Уселся на лавке и чинит хомут.
И любо Степану, и любо, и дорого,
Что он не последний на ниве людской:
Поди, не надеялись больше на хворого,
А хворый-то, вот он, выходит, какой! —
И сам хоть куда, и работа не валится
Из старых толковых степановых рук.
А внуком, и вправду, Степан не нахвалится,
Да как нахвалиться? — Орёл, а не внук!
Накопит он силы, войдёт в разумение,
А там — и пошёл по отцовским стопам! —
Задумался старый... И в это мгновение
Послышался голос: «Готов ли, Степан?»
Степан оглянулся: «Явилася, странница!..
А я-то, признаться, забыл уж давно:
На старости память, как видно, туманится
И помнить про всё старику мудрено...»
«Ой, врешь ты, Степан! — заворчала прищелица, —
Совсем очумел от моей доброты! —
Я думала — всё уж... А он канителится, —
Расселся и чинит себе хомуты!
Ужели ж напрасно дорогу я меряла?
Хорош, человече!.. Куда как хорош!..
А я-то на честное слово поверила,
А мне-то казалось, что ты не соврёшь».
Старик не сдержался: «Казалось! Казалось!
Подумаешь тоже — нарушил обет!..
Да что ты, в сам-деле, ко мне привязалася,
Как будто другого занятия нет?
Понравилось, что ли, за старым охотиться?
Стоишь над душой, а не знаешь того,
Что скоро с победою сын мой воротится
И пишет он мне, чтобы ждал я его.
И как же не встретиться с ним, не увидеться,
И как не дожидаться желанного дня?
Великой обидою сердце обидится,
Коль праздник мой светлый придёт без меня.
Не вовремя ты на меня изловчилась,
Не в срок захотела меня уложить:
Уж как бы там ни было, что б ни случилось,
А Гитлера должен Степан пережить!
И что ты ни делай, и что ни загадывай. —

Ты лучше в окошко моё не заглядывай,
Пока не услышу, что Гитлер подожд,
Ты лучше ко мне не ступай на порог,
И это тебе моё слово последнее,
И это тебе окончательный сказ...»
Подумала смерть, постояла, помедлила,
Махнула рукою и скрылась из глаз.

1944 г.

У САМОЙ ГРАНИЦЫ

У самой границы, в секрете,
Я зоркую службу несую, —
За каждый пригорок в ответе,
За каждую ёлку в лесу.

Укрытый густыми ветвями,
И слушаю я и смотрю.
И сердцем с родными краями
В такие часы говорю.

И всё мне становится ближе,
Как будто сквозь сумрак ночной
Я всю свою Родину вижу
И вся она рядом со мной.

Проходят, встают предо мною
Посёлки, поля и леса,
И месяц над самой трубою,
И липа поодаль крыльца;

И Чёрное море, и горы,
Где я никогда не бывал,
И стены Кремля, у которых
Я Сталину клятву давал...

А только лишь утро затронет
Высокие сосны вокруг,
Я чую — в далёком районе
Зарю объявляет пастух.

Мне чудится утренний гомон
И отблеск отточенных кос,
Как будто тропею знакомой
И сам я спешу на покос.

Я вижу, как солнце выходит,
Как трактор идёт большаком
И как мальчуган на подводе
Бидоны везёт с молоком.

А где-то, за милую душу,
Горланит петух молодой,
И девушка — может, Катюша —
Из хаты бежит за водой;

И ласточки крыльями машут,
И топится чья-нибудь печь...
И всё это — Родина наша,
А Родину надо беречь.

1941 г.

ПЕРВЫЙ ТОСТ

Наш лучший праздник входит в дом,
И к встрече всё готово.
И мы за праздничным столом
Сойдёмся нынче снова.

Мы вспомним сорок первый год:
Земли разрытой комья,
Метель метёт,
Война идёт
На нивах Подмосковья.

Мы вспомним утро над Москвой,
Рedeющую темень.
И речь на площади, на той,
Где похоронен Ленин.

Она в те дни для нас была
Звездой путеводной,
Она звала,
Она вела
К победе всенародной.

И час пришёл. И срок настал, —
Судьба земли решилась.
И всё, что Сталин предсказал,
Сбылось, совершилось.

На сотни вёрст, на тыщи вёрст
Упали все твердыни.
И потому мы первый тост
За Сталина подыдем, —

Кто вёл нас в бой в огне, в дыму,
Кто всюду побеждает.
И пожелаем мы ему,
Чего он сам желает.

И клятву мы дадим свою,
Его сыны и внуки,
Что и в работе, как в бою,
Мы не опустим руки.

В том наша доблесть, наша честь,
Наш долг и подвиг новый.
Пусть труден он, но сила есть,
И мы к нему готовы.

По всем краям родной страны,
Где шли враги лавиной,
Мы раны тяжкие войны
Залечим до единой.

Мы воздадим тебе, земля,
За все твои утраты,
Засеем заново поля,
Построим снова хаты;

Поднимем к небу города
Из пепла, из развалин,
Чтоб не осталось и следа
От скорби и печали;

Чтобы расти нам — что ни год —
В родной стране Советов...
И снова Сталин нас ведёт
К великой цели этой;

И вновь, как в годы бурь и гроз,
Его нам светит имя.
И потому мы первый тост
За Сталина подыдем!

1945 г.

СПИСОК СТИХОВ М. ИСАКОВСКОГО, ПОЛОЖЕННЫХ НА МУЗЫКУ

В настоящем сборнике помещены нижеследующие стихи, на которые написана музыка:

1. «Прощанье» — музыка Дм. Покрасс.
 2. «И кто его знает» — музыка Вл. Захарова.
 3. «Провожанье» — музыка Вл. Захарова.
 4. «Что за славные ребята» — музыка Вл. Захарова, а также В. Соловьёва-Седого.
 5. «На горе — белым-бела» — музыка Вл. Захарова, а также Б. Мокроусова.
 6. «Шёл со службы пограничник» — музыка Вл. Захарова, а также М. Блантера (под названием «У колодца»).
 7. «Морячка» — музыка Л. Бакалова.
 8. «Услышь меня, хорошая» — музыка В. Соловьёва-Седого, а также Б. Мокроусова.
 9. «Лучше нету того цвету» — музыка Б. Мокроусова, а также М. Блантера.
 10. «Пели две подружки» — музыка Д. Васильева-Буглая.
 11. «Здесь похоронен красноармеец» — музыка Ю. Шапорина, а также Вл. Захарова.
 12. «В прифронтовом лесу» — музыка М. Блантера.
 13. «Огонёк» — музыка М. Блантера.
 14. «Где ж вы, где ж вы, очи карие» — музыка М. Блантера.
 15. «Враги сожгли родную хату» — музыка М. Блантера.
 16. «Первый тост» — музыка В. Макарова.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Слово к товарищу Сталину	3
Я вырос в захолустной стороне	4
Земля	4
Родное	5
Прощаться с тёплым летом	6
«Всё та же даль. Всё та же синева»	7
Весна	8
Вишня	8
В дороге	9
Первое письмо	10
Зимний вечер	12
Берёза	12
В родном краю	13
Спой мне, спой, Прокошина	14
Опять печалится над лугом	16
Прощанье	17
И кто его знает	18
Провожанье	19
Что за славные ребята	20
На горе — белым-бела	21
Песня о девушке	21
Шёл со службы пограничник	22
Снова замерзло всё до рассвета	24
Морячка	24
Услышь меня, хорошая	25

Лучше нету того цвету	26
Не тревожь ты себя, не тревожь	27
Пели две подруги	27
Мы шли	29
Старик	30
Здесь похоронен красноармеец	31
В прифронтовом лесу	32
Огонёк	33
Белорусская песня	34
Где ж вы, где ж вы, очи карие?	35
Русской женщине	36
Враги сожгли родную хату	37
«Пробилась зелень полевая»	38
Рассказ про Степана и про смерть	39
У самой границы	42
Первый тост	43
Список стихов М. Исаковского, положен- ных на музыку	46

Отв. редактор А. СУРКОВ.

А 04432. Тираж 100.000 Подп. к печати 20/IV—46 г. Зак. 376

Тип. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул.Правды», 24.

Цена 60 коп.